

торговые корабли приставали и к заведомо убыхским центрам: Субешх (Субаши), Вордане (Варвир), Мамай, Сочи (Джуджи), Хоста (Хош) [121, с. 29]. Главными импортными товарами являлись: соль, сафьян, железные изделия, оружие и мануфактура. Экспортировались: буксовое дерево, воск, меха и, особенно, рабы [121, с. 30]. «Я знаю только, что едва ли существует в целом мире страна, где торговля была бы настолько прибыльна, как в Абазии» — восклицает М. Пейсонель [121, с. 31].

Убыхия перед столкновением с царской Россией

Меновые отношения все больше и больше внедрялись в экономику побережья. Охота за рабами и работорговля углубляли имущественное и правовое неравенство населения. Некоторые роды, очевидно, задолго до этого стали в положение привилегированной племенной знати. Мы не знаем внутренней обстановки в Убыхии к концу XVIII в., но, без сомнения, происходила там напряженная борьба между племенной знатью и свободными общинниками. Это было то же самое и одновременно с тем, что имело место в Шапсугии, где эта борьба привела к известной Бзюкской битве 1796 г.

Мы не осведомлены о настоящих причинах народного взрыва, но легко догадаться, что главной из них была тенденция знати к дальнейшему укреплению своей экономической и политической гегемонии над вольным народом. Особенно большого напряжения достигли противоречия в среде шапсугов и натхуаджей, где общественный строй был сложнее убыхского. Самому взрыву, очевидно, предшествовал ряд столкновений между черкесскими тлхукотлями и убыхскими вагышами, с одной стороны, и черкесскими уорками и убыхскими куаша — с другой. Вторые имели поддержку в среде племен с развитой сословной иерархией: бжедугов, чемгуев, махошей; об этом сохранились смутные абдзахские и шапсугские предания [73; 86, с. 128–129].

Первыми совершили переворот абдзахские тлхукотли, лишившие свою племенную знать привилегий. От абдзахов движение перебросилось к шапсугам и натхуаджам, где также в начале 1790-х годов уорки и пши лишились былых привилегий. Натхуаджская знать вынуждена была примириться до поры до времени. Шапсугский пши Шеретлуко отправился к Екатерине II просить военной помощи против своего народа. Царица приказала черноморским казакам оказать просимую помощь. И вот в 1796 г. на р. Бзюко (около ст. Новодмитриевской) произошла знаменитая в истории Западного Кавказа битва: по одну сторону были шапсугские тлхукотли, очевидно, не без абдзахов и убыхов, по другую — племенная знать шапсугов, бжедуги и черноморские казаки. Тлхукотли потеряли до 4000 человек убитыми и ранеными, но в бою был убит вождь

пши-урковской партии — бжедугский пши Баты-гирей Хаджимуко, что навело панику на бжедугов, которые после этого покинули поле сражения. После Бзюкского боя пши и уорки морально были разбиты и долго не брались за оружие. Им пришлось временно покориться, возвратиться на родину, довольствуясь лишь правом вольных граждан своих общин. Так большинство и сделало [73, № 27, 29; 124, т. I, в. 3—4].

Мы не знаем характера этого переворота среди убыхов. Некоторые авторы (напр. М.М. Ковалевский) [79, с. 265] даже находят возможным отрицать сам переворот у прибрежных племен. Но те, кто близко соприкасался с горским населением в 1820-х, 1830-х и 1840-х годах, когда память о событиях XVIII в. еще была свежа, говорят о перевороте в среде шапсугов, натхуаджей, абдзахов и убыхов как о бесспорном факте (Новицкий, Дж. Белль, Л. Люлье и др.). По всей вероятности, движение вагышей против куашха не носило того резкого характера, как это было у шапсугов, так как убыхская (и абдзахская) знать еще не успела достичь того сравнительно высокого положения в обществе, которое занимала знать шапсугов и натхуаджей (где было уже два ранга этой знати — уорки и пши).

В чем же заключалось привилегированное положение куашха перед выступлением вагышей? Куашха возглавляли отдельные общины, пользовались натуральными повинностями населения под видом старого обычая трудовой взаимопомощи; куашха фактически владели морскими бухтами и получали пошлину с импортируемых товаров; пошлина получалась ими под видом подарка, но, по ряду причин, такой «подарок» был обязателен [121, с. 31; 13, с. 651]. Внешним проявлением высокого положения племенной знати была установившаяся такса за кровь (вира). За убитого рядового общинника (вагыш или черкесский тлхукотль) род убийцы обязан был заплатить в пять раз меньше, чем за убитого куашха (у черкесов — уорки) [111, № 25; 96, с. 43].

Постановлением народных собраний племенная знать лишалась своих преимуществ. Но что значит лишалась? Богатство как было в ее руках, так и осталось; избрание общинных старшин продолжало происходить из их среды; пользование обычаем взаимопомощи не было запрещено. Вира за убитого куашха со 100 «голов» (мера ценности, подразумевалось — голов скота) была снижена до 22-х — 30-ти «голов» и в ряде обществ уравнивается с вирой за рядовых общинников (20—30 «голов»). Убыхское общество не было феодальным. Свободные общинники (вагыши) были действительно свободны, и неудивительно, что последним не трудно было пресечь со стороны племенной знати тенденции, направленные в сторону феодализации отношений. Сила родовой демократии временно взяла верх.

Но это была не победа, а лишь временное торможение общественного процесса. Совершенный переворот не лишил знать былого влияния: она осталась юридически «равноправной», умела пользоваться традиционным уважением к себе со стороны многих общинников, и мы видим эту знать во главе Убыхии в XIX в. На стороне куашха были и неорганизованность вагышей, и сила родовых традиций. Результат переворота не мог быть другим, так как «отдельные крестьянские восстания, даже в том случае, если они не являются такими разбойными и неорганизованными, как у Стеньки Разина, ни к чему серьезному не могут привести. Крестьянские восстания могут приводить к успеху только в том случае, если они сочетаются с рабочими восстаниями и если рабочие руководят крестьянскими восстаниями» (Сталин И. Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом. См. Ленин и Сталин. Сборник произведений к изучению истории ВКП(б). Т. III. Партиздат, М., 1936. С. 527).

Историки по-разному оценивали события конца XVIII в. в горах Западного Кавказа. Одни из них вообще не замечали ничего, кроме шапсуго-бжедугской ссоры (как это делал крайний черносотенец П.И. Ковалевский) [80, с. 232]; другие, с легкой руки М.Н. Покровского [122, с. 199–200], усматривали в событиях революцию, поднятую горским торговым капиталом против феодализма [126, с. 19–20]; третьи объяснили их как крестьянское восстание против феодалов [100, с. 32–33]. С нашей точки зрения, ни одни из них не были правы. Это была борьба свободных (не закрепощенных еще) общинников против племенной знати (еще не феодалов!), тянувшей в сторону феодализации отношений.

Движение убыхских вагышей в XVIII в. осталось не освещенным в литературных памятниках. Но следует сказать еще больше: сам убыхский народ оставался неизвестным для политиков и ученых литераторов того времени. На картах долгое время обозначали «Убых» на северной стороне Главного хребта в верховьях р. Белой, около несуществовавшего в природе племени Тубы. Все северо-западное черноморское побережье считалось заселенным абхазами и джикетами, под которыми в это время понимали абхазское население.

Так, например, в письме мегрельской владетельницы Нины к царю Александру I от 8 июня 1808 г. Джикетия считается простирающейся до Крымского полуострова [6, т. III, с. 201]. В 1811 г. Симонович, следуя этому мнению, считал Гелленджик абазинским портом [6, т. IV, с. 452]. Не без корыстной цели поддерживал эту же легенду и владетель Абхазии кн. Георгий Шервашидзе. Уговаривая одного из представителей асадзуской знати — Левана Цанубая — принять русское подданство, Шервашидзе имел целью под эгидой русского самодержавия распространить свою власть на все черноморское побережье Кавказа на северо-запад от Абхазии. «Абхазия, — писал ген. Торماسов графу Румянцеву в том

же 1811 г., после переговоров с Шервашидзе, — <...> простирающаяся вдоль по берегу Черного моря от границ Мингрельских до самой Анапы, составляя один народ, не вся, однако же, находится в непосредственной зависимости кн. Георгия Шервашидзе (уже принявшего царское подданство. — *Л.Л.*) <...> но есть в горных местах несколько небольших обществ, не признающих ничьей зависимости и управляемых собственными их князьями. Из числа таковых джихетский князь Леван Цанубая старанием правительницы Мингрелии и <...> кн. Георгия Шервашидзе отдал себя добровольно всероссийской империи со всеми его подвластными <...> Я (ген. Тормасов. — *Л.Л.*) обращаюсь к вашему сиятельству с покорнейшею просьбою об исходатайствовании ему <...> пожалования в чин подполковника и об украшении его золотою медалью, осыпанною бриллиантами, на голубой ленте с надписью на турецком и российском диалектах: за усердия и преданность к всероссийской империи. Какое <...> послужит примером другим независимым обществам также искать покровительства и подданства его императорского величества и постепенно соединит весь абхазский народ под одну власть, открыв чрез то спокойствие в сем новоприобретенном нами владении <...> и доставит существенные выгоды для империи» [6, т. IV, с. 429; ср. с. 426].

Таким путем кое-кто из царского командования мечтал завоевать Кавказское побережье Черного моря. Но это была неосуществимая мечта. Оказалось, что золотыми медалями и голубыми лентами можно было купить большинство из племенной знати, а народ, подлинных представителей горских племен побережья, пришлось покорять другими средствами. Но царская Россия долго еще не спешила с завоеванием побережья, так как сперва нужно было сломить сопротивление черкесских племен севера и северо-запада. Убыхия для царских войск долго была самой неприступной областью. Анапа была далеко, от этой крепости убыхов прикрывали многочисленные поселения шапсугов и натхуаджей. От Абхазии их отделяли племена асадзуа и Гагринский хребет. С севера они были прикрыты Главным Кавказским хребтом, за которым, в свою очередь, на много верст далее обитали разные черкесские племена, первыми принимавшие на себя удары царских войск.

И, заняв весь остальной Кавказ, царская Россия не могла приступить к этому народу и сломить его сопротивление.

Вступая в XIX в., убыхское общество было занято внутренней борьбой вагышей против куашха: Россия была далеко, а Турция, хотя и считала их в числе своих подданных, но не имела сил реально осуществить свою власть над краем. В 1802 г. ген.-майор Кнорринг в рапорте Александру I писал: «Закубанцы — народ ветреный и даже самим владельцам их неповинующийся. Воровство и грабительство в сильном у них обычае, и ни один владелец подвластному своему запретить того не в праве, да и

главное их начальство, от Порты Оттоманской над ними поставленное, удержать их от того <...> ничуть не в силах; они при всяком таковом случае показывают ему явное ослушание и неповиновение» [6, т. I, с. 740]. И если такая фиктивность турецкой зависимости была характерна для западных черкесов, расположенных вблизи турецких крепостей, то для убыхов это было более чем характерно.

Начиналась долголетняя Кавказская война. Но до второй половины 1830-х годов убыхи принимали в этой войне лишь случайное участие, не защищая своей земли, еще нетронутой врагами. До второй половины 1830-х годов убыхи еще не вели освободительной борьбы. Их участие в набегах на казацкие кордоны было прямым продолжением старых межродовых и межплеменных столкновений, имевших целью захват рабов и имущества. Таким образом, убыхи вступили в освободительную войну лишь со второй половины 1830-х годов. Правда, мы не можем считать четким рубежом двух качественно различных войн какую-либо определенную дату. Одна война убыхов постепенно перерастала в другую. И если мы можем находить черты освободительной войны и ранее второй половины 1830-х годов (например, уже в 1830 г.), то, с другой стороны, межродовые и межплеменные набеги с целью захвата рабов совершались убыхами и после нашей условной даты; так о них говорит Т. Лапинский даже в конце 1850-х годов [89, т. I, с. 245–246].

В 1806 г. убыхи помогали владельцу Абхазии Келеш-бею Шервашидзе в его известной победе над турками; правда, документы скрыли убыхов под именем черкесов и «абазинцев» [150, с. 145]. Когда в начале 1820-х годов в Абхазии вспыхнуло восстание против царских оккупантов и их пособников, абхазских князей Шервашидзе, то убыхи и асадзуа играли ведущую роль в восставших партиях [150, с. 154; 143, ч. I, с. 37–39].

Летом 1823 г. убыхи в количестве более тысячи человек совершили набег на Абхазию под предводительством Саат-Гирея Адагва-ипа Берзека. Когда они спускались с гор в абхазские долины, их заметили пастухи, не замедлившие предупредить своих соплеменников об опасности. Абхазы, пропустив убыхов в долины, заняли горные проходы, отрезав тем самым путь к отступлению, и перебили торгнувшихся. При этом погиб и убыхский предводитель. После этой неудачи убыхи стали совершать свои набеги на Абхазию в зимнее время [66].

Мы видим убыхов в нападениях на северо-горские племена. Сообщение от 1830 г. гласит, что на Белореченском перевале, ведущем из Убыхии в Абдзахию, происходят постоянные разбои [112, № 40]. В 1836 г. Ф. Торнау, находясь на асадзуа-убыхской границе, чувствовал себя в опасности из-за постоянной вражды между племенами [143, ч. II, с. 46]. В 1836 г. несколько сот убыхов под предводительством Хаджи-Догомуко Берзека перешли на северную сторону Главного хребта, имея намерение

напасть на башилбаевцев [143, ч. II, с. 30]. В середине 1830-х годов убыхи буквально не давали покоя бесленеям, нападая на селения и устраивая засады [143, ч. II, с. 20 и 25]. Зимой 1837/38 г. четыре убыха захватили пленных черкесов на Лабе. В числе захваченных был один пши [13, с. 401]. В августе 1838 г. Биарслан-Алхасоко Берзек собирал партию убыхов в набег на какое-то покорное царскому правительству племя, причем, по словам Дж. Белля, виднейшие представители племенной знати (Хаджи-Догомуко Берзек и др.) «уже давно отказались от таких походов, имея в виду сосредоточить военную энергию убыхов на борьбу с царской Россией» [13, с. 448–449].

Наряду с этими межплеменными столкновениями, убыхи постоянно втягивались в борьбу горцев против царской России. В этот начальный период Кавказской войны они, не в пример асадзуа и даже абдзахам, очень часто принимали участие в черкесских партиях, совершавших набеги на кордонную линию, причем чаще всего можно было видеть убыхов в тех партиях, которые нападали на посты и станицы черноморских казаков [168, с. 11–12, 37–38]. Но эти нападения, как сказано выше, сперва не выходили из рамок старых набегов с целью захвата рабов, скота и другого имущества.

Но наступление царской России убыхи почувствовали довольно скоро. Царские корабли, все чаще и чаще появлявшиеся у берегов Убыхии, превращались в препятствие для старинного торгового сообщения горцев с Анатолией. Именно со стороны моря убыхи впервые увидели царскую угрозу. Еще в 1810 г. ген. Торماسов настаивал на выделении из черноморской флотилии нескольких легких судов для промера глубин у черкесо-убыхского берега и «для пресечения туркам иметь сообщение с закубанскими народами». Для этих целей в том же году были выделены один фрегат и один бриг [6, т. IV, с. 449]. На следующий год Тормасов снова ставит тот же вопрос: «Народ сей новопокоренный (? — Л.Л.), — пишет он, — и нами в землях их не поставлена еще твердая нога», поэтому, продолжает Тормасов, необходимо выделить «крейсирующие суда, кои бы не пропускали прорваться и приставать к берегам абхазским (т.е. и убыхо-черкесским. — Л.Л.) легких турецких судов, кои Порты <...> старается посылать с возмутительными письмами и подарками, дабы развратить сих горцев и поставить их против России». Его ходатайство было удовлетворено [6, т. IV, с. 450], но фактически это крейсирование стало постоянным лишь после специального приказа Николая I в 1830 г., и с 1831 г., когда пал Геленджик, царская Россия объявила настоящую блокаду. Купеческие кочеры, в случае поимки их, сжигались, товар и команда арестовывались, а в случае сопротивления — команду убивали. Мы имеем ряд сведений о таких морских стычках. У берегов Убыхии подобная стычка, например, произошла в мае–июне 1833 г. вблизи Вордане [58, р. 197].

Вообще с 1830 г. царское командование проявляет большую активность в деле завоевания северо-западного Кавказа. Дело в том, что 2 сентября 1829 г. был заключен Адрианопольский договор между Турцией и Россией, по которому Черкесия и Убыхия отходили к России. Этот дипломатический документ дал формальное основание царскому правительству приступить к решительному завоеванию края. Война черкесов и убыхов против царской России теперь выставлялась перед общественным мнением Европы как бунт непокорных подданных царя, и ликвидация этого бунта — дело исключительно внутрисоюзное.

Параллельно с введением блокады ген.-майор Гессе получает приказ о захвате в 1830 г. основных бухт побережья и о создании там цепи укреплений. Командование мечтало легко завладеть прибрежной полосой и установить сухопутное сообщение между Анапой и Сухумом. Но действительность опрокинула эти планы.

Царские войска в 1830 г. смогли лишь закрепиться в ряде абхазских пунктов и приступить к постройке укреплений лишь на абхазском берегу. Крайней точкой создаваемой укрепленной линии на северо-западе были Гагры. Но в этом же 1830 г. асадуа, убыхи и шапсуги уже упорно штурмовали это укрепление [152, с. 143; 143, ч. I, с. 8–9].

От фантастического плана быстрого захвата побережья царскому командованию пришлось отказаться. Гр. Паскевич обратился с воззванием к населению черноморского побережья, в котором говорилось: «Мусульмане! Ахмет-паша <...> старался вас ввести в заблуждение, будто у Черного моря живущие <...> принадлежат <...> Порте <...> Султан вас оставил. Он признал, что вы все принадлежите российскому императору. Горцы! Первый раз еще говорю я к вам; подумайте о словах моих. Приглашаю вас: положите оружие, покоритесь государю, сильнейшему в мире, но справедливому и милосердному <...> Торговля ваша расцветет; мир водворится между вами; благосостояние ваше умножится; избытки ваши с лихвою продадите русским; все, что для вас нужно, легко доставать будете из России. Вот мое слово к вам. Если примете его, будете благоденствовать; если же не примете, то вспомните о могуществе России» [6, т. VII, с. 403].

Это воззвание не возымело абсолютно никакого действия. Но в это время убыхи все еще продолжали рассматривать борьбу с новым противником с точки зрения старых межплеменных набегов, и поэтому, когда в 1831 г. шапсуги прислали им новое приглашение принять участие в карательной экспедиции против племен, принявших присягу на верность царю, то убыхи почти не откликнулись [6, т. VII, с. 909].

Но 17 мая 1834 г. мы видим убыхов в возглавлявшейся кабардинцами разноплеменной партии в 100 чел., напавшей на абазинское селение Дударуково. Партия захватила 40 пленных абазин, крупный рогатый скот и

овец, но на обратном пути, за р. Большой Зеленчук она была застигнута казаками, вдвое превышающими ее численностью. В результате прошедшего боя, горцы потеряли половину своих пленных, а также скот. У казаков было убито 4 чел. (в том числе полковник), а у горцев — 12 [6, т. VIII, с. 744]. Через месяц мы снова встречаем убыхов в составе смешанной горской партии в 400 чел., имевшей в виду совершить набег на кордонную линию. Но ген. Засс, заранее прослышав о готовящемся нападении, сам совершил неожиданный набег и нанес поражение партии в 2-х км от р. Лабы, в направлении на Георгиевское укрепление. Горцы оставили 10 трупов (в том числе одного из Берзеков) и 20 убитых лошадей; у казаков был 1 убитый и 10 раненых [6, т. VIII, с. 745].

В 1835 г. убыхи и асадзуа в течение нескольких недель осаждали Гагры. Когда постоянные ложные ночные тревоги несколько ослабили бдительность гарнизона, горцы ворвались в укрепление и захватили две пушки. Гарнизон, выбежав в нижнем белье, лишь после упорного боя, в исходе которого сыграл роль картечный огонь, вынудил горцев покинуть укрепление. Потери обеих сторон нам неизвестны. После этого горцы, напав на табун царского отряда на р. Бзыбь, угнали с собою всех казачьих лошадей. Около 1000 убыхов и асадзуа заняли позицию вблизи Гагринской теснины с целью не пропускать царские войска на север [143, ч. II, с. 35–36].

Опасения убыхов насчет продвижения противника были основательны. Еще в 1830 г. было приказано гр. Паскевичем ген.-майору Гессе, чтобы последний отправил «благонадежного человека» с разведывательной целью по маршруту: Абхазия — Убыхия — Белореченский перевал — укрепление Каладжинское (на р. Лабе) [6, т. VII, с. 403]. С таким же шпионским заданием был отправлен в 1835 г. офицер Ф. Торнау, оставивший подробные мемуары.

Командование Кавказской армии намечало конкретные пункты побережья, которые имело в виду захватить и превратить в свои укрепления. Еще 17 сентября 1830 г. Бекович-Черкасский и Госфорт в рапорте Паскевичу указывали на Сочи как на главное торговое место горцев, которое следовало, по их мнению, захватить в первую очередь [6, т. VII, с. 905]. Но план захвата, как уже говорилось выше, в 1830 г. оказался невыполнимым. В 1836 г. ген.-майор Вельяминов извещал гр. Воронцова (от 14 июля), что хотя турецкие торговые суда пристают к устью любой реки побережья, но удобнейшими для этого считаются (кроме Цемеса, Пшады, Джубги, Ту, Туапсе и Псезуапе): Вордане, Сочи, Хизе и Гечь [6, т. VIII, с. 644]. 5 ноября того же 1836 г. барон Розен писал военному министру гр. Чернышеву, что «для действий со стороны Абхазии его императорское величество <...> соизволили повелеть, чтобы <...> я распорядился занятием одного или двух якорных мест от Гагр выше к северу

<...> Главнейшими якорными местами к северу от Гагр считаются: мыс Адлер, устья рек Шахо, Шапсухо, Джуба и Пшада (первое — асадзуаское, второе — убыхское, остальные — черкесские. — *Л.Л.*) <...> оные ныне наиболее посещаются турками <...> Страна кругом Адлера имеет большое воинственное население, извлекающее особенные выгоды от торговли с турками» [6, т. VIII, с. 857].

Эти военные приготовления к продвижению в Убыхию не оставались тайной, и поэтому сами убыхи не только следили за Гагринской тесниной, но и укрепляли места, где могли ожидать царский десант. Мы знаем о постройке завалов, окопов и наблюдательных «башен» в районе Хосты, Сочи и Мамая. У завалов постоянно находились караульные [113, с. 114; 143, ч. II, с. 48; 13, с. 42]. Кроме того, по инициативе Хаджи-Догомуко Берзека и Ислама Джерикоко был основан союз общин, охватывавший собою асадзуа, убыхов, гуае и приморских (малых) шапсугов, из последних — лишь живущих южнее Туапсе [13, с. 370, 420, 658, 664].

Но, с другой стороны, если основная масса убыхов была непримиримо настроена против вторжения царских войск, то куашха, предчувствуя возможные выгоды для себя в случае принятия присяги на покорность, уже в начальный период войны делали попытки сближения с царским командованием. Первые шаги в этом направлении делались по линии установления торговых связей. Царское правительство понимало возможные политические последствия этой торговли. Так, еще в 1822 г. ген. Ермолов писал, что он имеет в виду «распространить торговые сношения с горскими закубанскими народами и, посредством оных <...> смягчить суровость их; между тем, вразумив в выгоды связей с нами, уменьшить исключительное на них влияние Порты и, наконец, между полудикими сими народами ввести просвещение (? — *Л.Л.*) <...> Произведения земли горских народов ничтожны и торговли нашей обогащать не в состоянии. Один предмет для нас чрезвычайно важный есть строевой корабельный лес, для черноморского флота необходимый, но оный произрастает в Абхазии <...> (и в Убыхии — следует добавить. — *Л.Л.*)» [6, т. VI, ч. 2, с. 485]. С целью агитации для развития русско-горской торговли «натухайские дворяне Супаква» должны были в конце 1825 г. ехать к убыхам (абазинцам), чтобы убедить последних в пользе такой торговли. Но Берзеки и Дечены сами прислали к Супаква своего депутата Хаджи-Догомуко Берзека с целью просить Супаква быть посредником в деле установления торговых связей с Россией [6, т. VI, ч. 2, с. 492]. Очевидно, под давлением куашха на народном собрании на Вордане в июне 1836 г. чуть было не прошло постановление о принятии присяги на подданство царской России. Но появление в 1837 г. английского купца Дж. Белля, который вручил старшинам привезенные им призывающие к оружию письма и надежду на помощь английского короля и египетского паши, помеша-

ло этому. Вместо покорности царской России убыхи решили умирать за свою независимость [6, т. IX, с. 450]. Дж. Белль прибыл из Трапезунта, отправив свой корабль «Виксен» в Мокапсе, а сам, в сопровождении старшин, берегом проехал к натхуаджам. Убыхи решили послать депутацию в составе Дж. Белля и Хассан-бея из Хизе в Лондон просить военной помощи. То же самое решено было сделать и в отношении египетского паши [6, т. VIII, с. 855–856; 13, с. 402]. Вскоре после приезда Дж. Белля прибыл корреспондент газеты «Морнинг Кроникль» Лонгворт с тою же целью подбадривания горцев на борьбу против царской России.

Таким образом, борьба началась. С 1837 г. открылись военные действия на территории Убыхии. Но царскому правительству понадобилось 27 лет для завоевания этого края.

Первые наступления царских войск (вторая половина 30-х годов)

С 1837 г. царская Россия приступила к осуществлению своего плана захвата главнейших пунктов убыхо-черкесского берега. 2 июня в Абхазии был посажен на суда десантный отряд из батальона гренадер, батальона егерей, шести рот, двух сотен так наз. милиции, саперной роты, двух легких пушек и значительного количества горной артиллерии. Эти войска под командою барона Розена должны были захватить асадзуаский мыс Адлер¹¹. 11 июня Розен рапортовал Николаю I: «Высочайшая воля вашего и.в. исполнена. Мыс Адлер 7-го сего июня мною занят»¹². Это произошло так.

Войска прибыли к Адлеру в час ночи под 6-е число. Для рекогносцировки места высадки была выслана Розеном шхуна, которая при приближении к берегу была обстреляна ружейным огнем горцев. Рекогносцировка была выполнена под защитой мощного огня артиллерии. 7 числа эскадра в расстоянии полукилометра от берега построилась в боевую линию и бросила якорь. Десантный отряд, пересев на спущенное на воду 41 гребное судно, двинулся к берегу. Вся морская артиллерия открыла бешеную канонаду по завалам и окопам горцев, гребные суда обстреливали с фальконетов. Когда позиции последних были разрушены, горцы отошли в лес. Огневое превосходство противника вынудило горцев рассеяться по лесу. Первая часть десанта высадилась. Заняв позицию на лесной опушке, эта часть, общей численностью около трех рот, прикрыла собою высадку остальных войск. Но горцы (асадзуа и убыхи), маскируясь в лесной чаще, близко подходили к отряду и поражали его огнем своих ружей. Горцы отступили на окраину леса лишь после того, как к

¹¹ Акты, собранные Кавказской археографической комиссией, Тифлис, VIII, 1881, с. 386.

¹² Акты, VIII, с. 872.